

ПЕРЕВОДЫ И КРИТИКА

«Алкей и Сафо» Вяч. Иванова в рецепции современников (Кузмин, Ходасевич и др.)

К. Ю. Лаппо-Данилевский

Выход в 1914 году из печати «Алкея и Сафо» в переводе Вячеслава Иванова заслуженно расценивается исследователями и как важная веха творческого пути Вяч. Иванова, и как значительное событие в истории переводческого искусства в России¹. Вместе с тем, в научной литературе последнего времени можно указать лишь на один случай, когда сделана попытка более-менее полно охарактеризовать значение этой книги, хотя и несколько однобоко — только в отношении к стихам Сафо. Так, Д. Л. Бургин видит в переводе Иванова прежде всего реконструкторские кунштюки и филологические упражнения по вторжению в подлинник, при котором произведения Сафо утратили и грацию, и свой естественный облик². При этом американская исследовательница

¹ Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914. 216, [1] с. В следующем, 1915 г. поэт выпустил второе издание книги, дополнив его отделом «Новые песни и лирические отрывки Алкея и Сафо, по текстам оксиринхских папирусов, обнаруженным во время печатания книги»: Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. [2-е изд.]. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914 [1915]. 255 с. О влиянии этой книги на русскую переводческую традицию в XX веке см. в статье: *Завьялов С. А.* Вячеслав Иванов — переводчик греческой лирики // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. С. 163–184.

² Ср.: «In translating the new, expanded, but ever-fragmentary Sappho of the *fin de siècle* into „authentic“ Russian poetry, Ivanov tried manfully to fill the emptiness in the corpus of the Tenth Muse. Rather than overwhelm Sappho's real, graceful, little body with extravagant, provocative clothes as his nineteenth-century fathers had done, Ivanov attempted to get inside the „bodies“ of Sappho's fragmentary poems and perform a kind of reconstructive surgery by inserting artificial (dead) implants. ... Ivanov succeeded in filling Sappho's poems out, but in the process of reconstruction, the original lines often

далека о того, чтобы отрицать влияние ивановских переложений (а тем самым и их художественную действенность) на одну из своих любимых героинь — Софию Парнок³. Ранее указывалось на их релевантность для оригинального творчества столь крупной фигуры Серебряного века, как Осип Мандельштам, в связи с чем затрагивались и непосредственные отклики на «Алкея и Сафо»⁴.

В данной работе мне хотелось бы обратить внимание на рецепцию как первого, так и второго издания «Алкея и Сафо» Вяч. Иванова современниками поэта — как литераторами, так и учеными. Непосредственно после выхода из печати переводов был высказан ряд суждений, выпавших, как кажется, из поля зрения позднейших исследователей. Уже тогда с разных позиций были даны оценки и художественных достоинств книги, и ее значения, а также намечены подходы к пониманию переводческого метода Вячеслава Иванова⁵. Но прежде чем перейти к анализу этих отзывов, имеет смысл коснуться предыстории возникновения этого замечательного издания.

Как кажется, мысли о том, как переводить древние логоэдические размеры серьезно занимала Вяч. Иванова уже во второй половине 1890-х годов. Крупнейшей художественной манифестацией в этом роде стал перевод Первой Пифийской оды Пиндара, опубликованный в 1899 году⁶. Несколько оригинальных

lost their reality and their grace» (*Burgin D. L. The Deconstruction of Sappho Stoltz: Some Russian Abuses and Uses of the Tenth Muse // Engendering Slavic literatures / Ed. by Pamela Chester & Sibelan Forrester. Bloomington & Indianapolis, 1996. P. 25*).

³ *Бургин Д. Л. София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо / Пер. с англ. С. И. Сивак. СПб., 1999. С. 154 и далее. Именно чтение Сафо в переводе Вяч. Иванова дало в феврале 1915 г. толчок к написанию первых стихов Парнок, обращенных к Цветаевой.*

⁴ См.: *Тарановский К. Ф. Пчелы и осы в поэзии Мандельштама. К вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама // To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday 11 October 1966. The Hague; Paris, 1967. Vol. 3. P. 1973–1995; Левинтон Г. А. «На каменных отрогах Пиэрии...» Мандельштам: Материалы к анализу // Russian Literature. 1977. Vol. 5. Iss. 2. P. 123–170; Iss. 3. P. 201–237.*

⁵ В связи с последним аспектом в позднейшей научной литературе можно упомянуть лишь одну статью: *Завьялов С. А. Вячеслав Иванов в работе над греческими папирусами // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 354–370.*

⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. 324, авг. С. 49–56 (4-я паг.).

стихотворений в первой, дебютной книге стихов «Кормчие Звезды» написаны строфами, имена которым дали как раз те два эолийских поэта, к творчеству которых Иванов позже обратился как переводчик. Так, в стихотворениях «Сафо» и «К Фантазии» применена сапфическая строфа, а в «Пэстумском храме», «Молитве Камилла» и в «Довольно!» — алкеева. Прочитую первый катрен стихотворения «Сафо», посвященного Вл. Соловьеву:

Дев Кастальских дар — золотые струны
Стройте без меня, лесбиянки-девы,
И венчайте пир: я с кудрей слагаю
Тяжкие розы!⁷

В обоих вышеназванных стихотворениях из «Кормчих Звезд» (и данная цитата хороший тому пример) Вяч. Иванов ориентируется на более поздний, «латинский» вариант сапфического одиннадцатисложника с постоянной цезурой после пятого слога, утвердившийся в поэзии Горация (ни у Сафо, ни у Катулла ее еще нет). Впоследствии, переводя Сафо, Вяч. Иванов по понятным причинам возвращается к сапфическому стиху в его исконном, бесцезурном виде⁸.

Предыстория переводов Вяч. Иванова из Алкея и Сафо такова: в 1910–1912 годах в связи с преподаванием на курсах Н. П. Раева он в новом качестве обратился к античной поэзии, набрасывая переводы ряда стихотворений — главным образом для нужд преподавания. Через некоторое время благодаря В. О. Нилендеру, готовившему собрание древнегреческой лирики, Иванов оказался вовлечен в орбиту деятельности издательства Сабашниковых⁹. Участие в антологии Нилендера перерастает в самостоятельный проект перевода Ивановым поэтического наследия Алкея и Сафо, губительный для масштабного собрания античной лирики на русском языке, планировавшегося изначально.

⁷ Иванов Вяч. Кормчие Звезды. СПб., 1903. С. 129.

⁸ Дрейдж Ч. Л. К вопросу о древнегреческих и латинских размерах в русской поэзии: эволюция сапфической строфы // Славянский стих. Стиховедение, лингвистика и поэтика: Материалы международной конференции. 19–23 июня 1995 г. М., 1996. С. 140–147.

⁹ См. подробнее: Котрелев Н. В. Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых: (Переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. научных трудов. М., 1990. С. 127–150.

В этом, по-видимому, одна из причин охлаждения, которое можно констатировать в отношениях Иванова и Нилендера в середине 1910-х годов¹⁰.

Но как бы ни складывались отношения и сотрудничество с Нилендером, известно, что работа над «Алкеем и Сафо» увлекла поэта, а со стороны М. В. Сабашникова он встретил необходимую поддержку, что позволило Иванову в кратчайшие сроки осуществить свой замысел. Как уже говорилось, книга вышла из печати в 1914 году и сразу привлекла внимание как в ученых, так и в литературных кругах; в год появления первого издания в периодике было опубликовано в общей сложности три отзыва¹¹.

М. А. Кузмин и В. Ф. Ходасевич, представители литературного цеха, в своих отзывах рассматривали «Алкея и Сафо» как событие современной им литературы и как еще одну манифестацию

¹⁰ См. пейоративные отзывы о Нилендере в письме В. Ф. Эрн к жене от 22 апреля 1915 г. в связи с неосуществившимся проектом издания антологии древнегреческой поэзии: «Вчера произошел инцидент. За смертью Корша редакцию “Греческих лириков” Сабашников передал Вячеславу. Вчера пришел Ньюфаунлендер и очень дерзко заговорил, как он согласен и как он не согласен с Вяч<еславо>м работать, не осведомившись даже, что думает сам Вячеслав. Вяч<еслав> устроил “ассаже”. Нидерлендер запутался, проврался и когда Вячеслав потребовал взять слова, обидные для Вяч<еслава>, обратно, отказался. Разговор кончился, и он моментально вылетел. Вяч<еслав> был безукоризнен, т<ак> ч<то> Ньюфаунлендер в доме Ивановых прекратился очевидно навсегда. Все включительно с Верой даже обрадовались. Хорошо, что Нидерлендер показал свои грязные ногти раньше, чем Вяч<еслав> втянулся в редактирование совместно с ним целого тома. Он бы совсем измучил Вячеслава <...>» (Взыскующие Града. Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках современников. Письма и дневники К. М. Аггеева, С. А. Аскольдова, Л. Ю. Бердяевой, Н. А. Бердяева, И. П. Брихничева, С. Н. Булгакова, А. Г. Габричевского, А. К. Герцык, Е. К. Герцык, С. И. Гессена, А. В. Ельчанинова, А. В. Карташева, Л. М. Лопатина, Э. К. Метнера, П. Н. Милюкова, А. Р. Минцловой, М. К. Морозовой, М. М. Морозова, М. А. Новоселова, Е. Ю. Рапп, Г. А. Рачинского, В. В. Розанова, С. М. Соловьева, Е. Н. Трубецкого, П. А. Флоренского, В. Ф. Эрн, Б. В. Яковенко и др. / Вступ. статья, публ. и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 638–639).

¹¹ *Ходасевич В. Ф.* [Рец. на кн.:] Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914 // Русские ведомости. 1914. 25 июня, № 145. С. 5; *Кузмин М.* [Рец. на кн.: Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова] // Петроградские вечера. Пг., [1914]. Кн. 3. С. 234–235; *Диль Э.* Эолийские лирики в переводе Вячеслава Иванова // Гермес. 1914. № 19 (145). С. 460–463.

архаизирующей поэтики Вяч. Иванова. Когда Кузмин учился в гимназии (а он родился на четырнадцать лет раньше, чем Ходасевич) греческий язык еще входил в программу обязательного обучения. Но ни Кузмин, ни Ходасевич переложения Иванова с оригиналами не соотносят (возможно, впрочем, виной тому краткость их отзывов). Их похвалы собственно переводу звучат поэтому весьма обобщенно, основаны, скорее, на утвердившейся репутации Вяч. Иванова как знатока античности, чем на анализе его конкретных переводческих решений.

Это особенно заметно в начальных строках рецензии Ходасевича, где отдается должное художественному успеху Вяч. Иванова:

«Перевод Вячеслава Иванова равно обрадует как специалистов-филологов, так и просто любителей поэзии. Первым дает он перевод всего, что в наследии обоих поэтов доступно переложению по состоянию фрагментов, вторым — целый ряд истинно поэтических произведений. Сделанные на основании авторитетных текстов, размерами, близко передающими подлинные греческие размеры, переводы Вячеслава Иванова наряду с точностью блещут самостоятельными художественными красотами»¹².

Структура книги не находит у Ходасевича понимания — отдавая должное «удавшимся поэту опытам реставрации некоторых стихотворений, дошедших до нас в слишком кратких фрагментах», он полагает, что «их правильнее было бы отнести к примечаниям, а в основном тексте поместить лишь перевод соответствующих отрывков».

Наиболее серьезный упрек Ходасевича — «руссификация подлинника в духе народной русской поэзии»: «Такие выражения, как: “Аль кого другого?”, “У меня же ли девочка есть”, “Пир горой”, “Свадебку мы сыграли”, вообще неприятно встречать в переводах, особенно — с греческого». Все же в заключение своего отзыва Ходасевич признает книгу «в общем прекрасной»¹³.

Импрессионистический отзыв Кузмина — любопытный эпизод в истории многолетних сближений и взаимоотталкиваний двух поэтов. То, что Кузмин не обращался к оригиналам Алкея и Сафо, предопределило отсутствие сколько-нибудь внятного обсуждения стиховедческой проблематики в его отзыве; факт, конечно, весьма примечательный, если учесть версификационную искушенность этого поэта. Отдавая должное «благородному и крепкому стиху»

¹² Русские ведомости. 1914. 25 июня, № 145. С. 5.

¹³ Там же.

и «подлинному духу античности», Кузмин никак не развивает этих замечаний. Куда большее внимание он уделяет языку, восхищаясь — в отличие от Ходасевича — «простонародною нежностью некоторых песенок Сафо».

При этом Кузмин склонен рассматривать язык переводов из Алкея и Сафо прежде всего как зрелую манифестацию идиолекта Вяч. Иванова, «теперь соединившего былую крепость “Кормчих звезд” с таинственной нежностью, почти простотою “Нежной тайны”» — со всеми сильными и слабыми сторонами его стиля.

Насмешку Кузмина вызывает выражение «щекот славий» в гимне Аполлону, открывающем книгу (этот текст Алкея был «воссоздан» на основании его пересказа Гимерием и одного сохранившегося стиха¹⁴):

Бежит по лирам трепет. И сладостней
Зарю встречает щокот славий.¹⁵

Отмечу, что редкое словечко «щекот» (также в его архаизированном написании «щокот») со значением «стрекотание, пение» находим у Даля; «славий» — т. е. соловьиный. Само же словосочетание отсылает нас к «Слову о полку Игореве», к стиху, описывающему наступление утра, — «Щекотъ славій успе, говоръ галичь убудися». Думается, Кузмин не распознал эту аллюзию, ибо тогда бы он обрушился не на «неудобоваримое» с его точки зрения выражение, а на сам прием анахронистического словоупотребления у Вяч. Иванова.

Подобно Ходасевичу, Кузмин оказывается нечувствителен к актуализированной в «Алкее и Сафо» поэтике фрагмента, он возражает против включения отрывков в основной корпус книги: «Исследователь прочтет их в надлежащем месте, а любитель будет только недоумевать». По его мнению, «отрывков можно было бы и не давать»¹⁶. Конечно, учитывая то, что лирическое наследие

¹⁴ Это отмечено Ивановым в примечаниях: «Алкеев дельфийский “пэан” (действительно ли тождественный с первым гимном или нет — решить трудно) дошел до нас в прозаическом пересказе Гимерия (Himer. or. XIV, 10). Итак, наше переложение этой парафразы размером, определяемым сохранившеюся строкою гимна, — не перевод в собственном смысле, но опыт условной реставрации утраченного подлинника» (Алкей и Сафо. [1-е изд.]. С. 239).

¹⁵ Там же. С. 34.

¹⁶ *Кузмин М.* [Рец. на кн.: Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова]. С. 235.

Сафо дошло до нас в отрывках и фрагментах (больших или меньших по объему) и что законченность ряда ее текстов, возможно, мнимая, с этим предложением нелегко согласиться.

Кузмин — единственный из рецензентов, раздраженных тем, что Вяч. Иванов якобы проигнорировал гомоэротическую ауру, сопутствовавшую в течение столетий имени Сафо. Его возмущает способность увидеть в Сафо «буржуазную мать», «институтскую “синявку” или женщину-профессора», а также стремление вольно или невольно «поколебать поэтическую легенду». Был ли справедлив этот упрек Кузмина? Скорее, нет, чем да. Чтобы убедиться в этом, обратимся к пассажи в предисловии Вяч. Иванова к «Алкею и Сафо», который он имеет в виду:

«Как настоятельница девичьей религиозной общины и вместе глава художественной школы, Сафо должна была одновременно развивать воспитательную и академическую деятельность. В ее институт-“монастырь” для благородных девиц присылались богатые девушки из разных мест колониальной и островной Греции. Приобретя в этом высшем учебном заведении утонченное образование, усовершенствовавшись в музыке и поэзии, они возвращались в семьи или выходили замуж. Время прохождения курса искусств делилось между отправлением культа общины, музыкальными и поэтическими занятиями, домашними забавами и увеселениями, часто принимавшими вид интимных пиршеств, и появлениями в светском обществе, особенно на религиозных празднествах и свадебных торжествах, где фиас выступал исполнителем слагаемых им на случай религиозных гимнов и обрядовых песен. Усвоение изящных манер было одною из задач школы, — недаром на Лесбосе устраивались состязания женщин в красоте, — обычаем же ее — отчасти условный, а порою и глубоко подлинный эротизм, соединявший содружество крепкою связью сентиментальной привязанности и, по-видимому, казавшийся плодотворным для разработки художественных форм того обособленного рода лирики, которому посвящала себя эта академия Муз и Афродиты»¹⁷.

Да, на первый взгляд, Иванов ведет речь об античном «институте-“монастыре” для благородных девиц», выпускницам которого была суждена будущность добродетельных матерей. Но одновременно — если быть более внимательным, то это становится явным — он говорит о мистике, овевавшей это религиозное

¹⁷ Алкей и Сафо. [1-е изд.]. С. 23–24.

сообщество¹⁸, о том, что перед исполнением семейных обязанностей девушкам из благородных семей было даровано краткое время упоения «музыкальными и поэтическими занятиями», период «интимных пиршеств», «сентиментальных привязанностей», «глубоко подлинного эротизма», служения Музам и Афродите. Несомненно, Иванов в процитированном абзаце отнюдь не замалчивал гомоэротический характер отношений, возникавших или даже доминировавших в этой общине, а как раз намекал на него¹⁹.

Заключительные строки рецензии весьма амбивалентны. Кузмин сетует, что «только на очень внимательный глаз заметна разница между Алкеем и Сафо, разница так тонко отмеченная в предисловии переводчиком». Книга для него, таким образом — в первую очередь явление литературы начала XX века, еще одно свершение Иванова-поэта, результат современного, глубоко индивидуального и, по-видимому, довольно произвольного прочтения древних текстов.

Первая рецензия из лагеря филологов-классиков была написана учеником Ф. Ф. Зелинского — Эрихом Васильевичем Дилем (1890–1952), одним из организаторов памятной экскурсии в Грецию в 1910 году, которая была им описана (в ней приняла участие и Вера Шварсалон)²⁰. Окончив в 1913 году историко-

¹⁸ Д. Л. Бургин полагает, что в этом пункте Иванов повторяет «теорию Виламовица», сформулированную немецким ученым в книге о Сапфо и Симониде (1913). См.: *Бургин Д. Л.* София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо. С. 231.

¹⁹ Этот аспект в дореволюционной России отнюдь не замалчивался, как о том можно заключить, например, по «Энциклопедическому словарю» Брокгауза и Ефрона: «Лесбийская любовь — форма извращения полового чувства, неестественное влечение женщины к женщине же. Получила название от ос-ва Лесбоса; в древней Греции вообще была довольно распространена. По преданию, Л. любовью страдала Сафо» (Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб., 1896. Т. XVII^A (34): Ледье—Лопарев. С. 590). При переиздании переработанной версии этого справочника почти двадцать лет спустя статья приобрела следующий вид: «Лесбийская любовь — форма извращения полового чувства, неестественное влечение женщины к женщине же. Получила название от ос-ва Лесбоса; на котором будто бы она была распространена. О неправомерности этого мнения см. Wilamowitz, “Sappho und Simonides” (1913), стр. 70 сл.» (Новый энциклопедический словарь. Т. 24: Ламберт—Лубоеды. Пг., [1915]. Стб. 411).

²⁰ *Диль Э. В.* Экскурсия в Грецию летом 1910 года под руководством профессора Ф. Ф. Зелинского. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1911. Неопубликованный дневник В. К. Шварсалон, который она вела во время этой поездки, сохранился: РГБ. Ф. 109. Карт. 47. Ед. хр. 30.

филологический факультет Петербургского университета по отделению древних языков, он был оставлен по кафедре классической филологии²¹. В 1916–1917 годах Диль был приват-доцентом Петроградского университета.

Свою рецензию Диль начинает с утверждения о «крупном значении этого перевода для русской поэзии и, в частности, для классической филологии». Единство книги, по его мнению, выразилось и в ее структуре, и в том, что «индивидуальность эолийских лириков не исчезла», и в том, что «в каждом слове чувствуется индивидуальность переводчика». Со знанием дела Диль анализирует несколько образцов «мастерской» передачи Ивановым античных метров — на примере знаменитого «нома Терпандра», VI отрывка Алкея, XIII отрывка Сафо. Диль отмечает лишь один случай «отступления от античной формы» — перевод в предисловии народной песенки о мельнице рифмованными стихами. Не соглашаясь изредка с переводом Иванова, Диль ставит и куда более важный вопрос — о допустимости дополнения текста фрагментов, развития их образов и воссоздания лирических ситуаций по усмотрению перелagателя. Этот путь Диль в целом не отвергает, хотя и вынужден констатировать неудачу Иванова при работе с LXXII фрагментом Сафо — Иванову увиделось здесь описание пиршества, тогда как более поздняя папирусная находка дала понять, что здесь речь шла о перечислении добычи, захваченной Гектором в Фивах. Через два года Диль откликнулся и на второе издание «Алкея и Сафо», пополненное Ивановым на основании тома оксиринских папирусов (кстати, отрецензированных именно Дилем для журнала «Гермес»²²).

Викентий Викентьевич Вересаев чувствовал себя, скорее, соперником Иванова, чем независимым экспертом. Свою рецензию он опубликовал в канун выхода из печати в 1915 году отдельными книжками переводов из Архилоха и Сафо. Пройдя сходный путь, он, как никто иной, осознавал возникавшие перед Ивановым сложности и мог оценить решения, которые были приняты его соперником. Он не скрывает своего восхищения

²¹ С 1917 по 1922 г. он преподавал в Томском университете, с 1922 г. — работал в Латвийском университете в Риге (доцент; с 1939 г. — профессор). См. подробнее: *Moldt D. Erich Diehl — Lebensbild eines deutschen Altphilologen // Hyperboreus: Studia classica. 2004. Vol. 10. Fasc. 1/2. P. 161–170.*

²² *Диль Э.* Новые литературные тексты в X томе папирусов из Оксиринха // *Гермес.* 1914. № 10. С. 292–296.

версификационным мастерством Вяч. Иванова — его сапфические и асклепиадовы строфы Вересаев называет «безупречными»; как «изумительнейший стихотворный *tour de force*» оценивает передачу иоников.

При этом его неприятие вызывает стилистика перевода Вяч. Иванова, не имеющая аналогий в подлиннике:

«Причудливая смесь торжественно-архаических, вновь сочиненных и простонародных слов и выражений составляет характерную особенность собственной поэзии Вячеслава Иванова, но несколько не характерна ни для Алкея, ни для Сафо. Их язык — обыкновенный, современный им разговорный язык, лишь с очень незначительными следами влияния эпической поэзии, с одной стороны, народной песни, — с другой. Читая переводы г. Иванова, всякий скажет: “сразу видно, что это — Вячеслав Иванов”. Было бы много лучше, если бы можно было сказать: “сразу видно, что это — Алкей и Сафо”»²³.

Столь же неприемлемы для Вересаева методы работы Иванова-переводчика, ставящего перед собой задачей не только передачу, но и толкование, и филологическую критику при переводе. Догадаться об этом может лишь весьма искушенный читатель, которому в ряде случаев необходимо установить исходные отрывки стихов, догадаться, каким образом они были составлены и уж затем обратиться к оценке перевода.

Почти одновременное обращение к лирике лесбосской поэте-сы сразу двух русских переводчиков сделало возможным сравнительное сопоставление их свершений и подходов в рецензиях А. А. Захарова и Э. Диль на второе издание «Алкея и Сафо» в столь авторитетных журналах, как «Гермес» и «Журнал Министерства народного просвещения»²⁴. Рецензия Захарова поражает несозвучностью центральным устремлениям эпохи к передаче античных метров средствами русского языка, к поиску качественных эквивалентов для количественных размеров древности. Так, он солидаризируется с мнением К. Э. Гриневича, полагавшего, что

²³ Вестник Европы. 1915, февр. С. 390–391.

²⁴ Захаров А. [Рец. на кн.: Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова] // Гермес. 1916. № 7/8 (173/174). С. 137–142; Диль Э. В. [Рец. на кн.: Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова] // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Ч. 61, февр. С. 396–406.

при переводе можно вполне брать тот или иной силлабо-тонический размер, «который более бы передавал для русского читателя чувство, выраженное в греческом тексте»²⁵. Подобное, несколько комичное с современной точки зрения, предвосхищение проблем семантики метра закономерно приводит Захарова к предпочтению силлабо-тонических рифмованных переводов Ф. Е. Корша из Сафо всем другим²⁶.

В рецензии 1916 года Диль, не изменяя общей высокой оценки переводов Иванова из Алкея и Сафо, еще более детально, с учетом последних научных публикаций, обращается ко второму, дополненному изданию книги. Как бы следуя пушкинскому завету, он стремится судить поэта «по законам им самим над собою признанным». Следующий пассаж в послесловии Вяч. Иванова становится поэтому для него определяющим: «Верховная цель поэтического перевода — создать музыкальный эквивалент подлинника. Таковым может быть только переложение... “Буква умерщвляет”; но жертвуя дословною близостью подстрочной передачи, переложитель-поэт должен возместить ее верностью истолкования»²⁷. Подчеркивая «художественность» перевода Иванова и то, что «филологическая верность *мыслям* оригинала — только средство к достижению этой цели», Диль констатирует успешность проекта в целом. Такие приемы, как «расширение» переводимого стихотворения за счет схолия к нему или введение комментирующих названий, он считает вполне правильными.

²⁵ Захаров отсылает к статье: *Гриневич К. Versus Sapphicus* (о переводах с античных языков) // *Гермес*. 1914. № 15/16. С. 420–428. На с. 426 здесь приведен перевод Вяч. Иванова стихотворения Сафо «Любовь»; вслед за ним перевод А. П. Рудакова того же стихотворения, которому отдается Гриневичем предпочтение. Ср. также «Возражение г. Гриневичу» С. Шольце (Там же. № 17/18. С. 450–452).

²⁶ В связи со смертью Ф. Е. Корша его переводы из Сафо незадолго до того как раз были перепечатаны в «Гермесе» (1915. № 8/9. С. 185–186), где в эти годы неизменно печатались переводы из Сафо, сделанные силлабо-тоническими размерами и большей частью рифмованные: *Гермес*. 1914. № 1. С. 24 (К. Гриневича); 1914. № 6. С. 161–162 (А. Рудакова); 1914. № 10. С. 277–278 (О. Орловой). В то же время, замечу справедливости ради, «Гермес» неизменно уделял повышенное внимание проблеме переводов из античных литератур, публикуя статьи, представлявшие различные точки зрения. Укажем, например, на статью В. Я. Брюсова «О переводе “Энеиды” русскими стихами» (*Гермес*. 1914. № 10. С. 259–267).

²⁷ Алкей и Сафо. [2-е изд.]. С. 242.

И все же Диль полагает, что в ряде случаев Ивановым неверно переданы именно *мысли* подлинника. Это побуждает его на протяжении трех страниц детально изложить претензии к столь высоко ценимому им переводчику. В чем же их суть?

В V и VIII одах Алкея Диль находит «резкости, которых в подлиннике нет» («буйная дурь ветров», «издох Мирсил»); для воссоздания X оды Иванов «не привлек новых папирусных отрывков» (то же указано далее в связи с одой XXVI); в XIII оде напрасно следовал Бергку, который составил ее из отрывков, цитированных Гефестионом и Аристотелем, несмотря на то, что они написаны разными вариантами одного и того же Алкеева размера; при переводе XVI оды проигнорированы упреки Виламовица Бергку, включившему в 39 отрывок Алкея несколько строк Сапфо; «прекрасные стихи» оды XXIV — результат «развития» фрагмента в законченное целое, они имеют весьма отдаленное отношение к оригиналу; сентиментально-идиллическая стилистика неуместна в третьей строфе XXXV оды; в оде XXVII добавлены стихи 4 и 5, в оде XXXIX — два последних стиха, в оде XLIII — первый и последний стихи; и проч.

При анализе переводов из Сапфо Диль неоднократно упрекает Иванова за игнорирование интерпретаций Виламовица (имелись в виду лирические ситуации од I, V, XLVII), что, возможно, было отнюдь не случайным, учитывая сложность отношения Иванова к Виламовицу, наиболее полно выраженного им позднее в статье «Гуманизм и религия» (название немецкого оригинала: «Humanismus und Religion», 1934). Диль выражает собственное несогласие с толкованиями Ивановым од XIII, XLIII, LXXII, CVI, указывает и на релевантность папирусных находок для текста XLI оды, и на произвольность подбора фрагментов при «составлении» XLI оды. Один-единственный раз он критикует стилистическое решение, относя к неудавшимся стих «В царских, опричь, колымагах Приамовы дочери».

Все же сравнив затем переводы Вяч. Иванова с переводами Вересаева Диль отдает пальму первенства Вяч. Иванову; странная рецензия завершается следующими выводами:

«Ценность перевода Вяч. Иванова заключается в его поэтическом совершенстве и его художественной цельности; единственный его недостаток — слишком субъективные дополнения, создающие нередко впечатление цельности и законченности там, где сохранились лишь обрывки.

Главное достоинство переводов Вересаева — их скромная документальность; недостаток переводов — отсутствие ряда отрывков,

лишающее книги В. В. Вересаева права называться полными переводами всего наследия Архилоха и Сафо»²⁸.

Рассмотренные выше рецензии еще раз убеждают в том, что книга «Алкей и Сафо» стала одной из важнейших вех в переводческом освоении наследия античной поэзии в России начала XX столетия. Отклики современников позволяют прежде всего выявить спектр проблем, актуализированных новаторским подходом Вяч. Иванова, — это, во-первых, передача античных метров средствами русского языка, точнее: конвертация количественных размеров в качественные; во-вторых, — язык перевода (и в частности, уместность употребления простонародных выражений); в-третьих, — степень допустимости интерпретаторских вторжений в перелагаемый текст; в-четвертых, — состав предлагаемого широкому читателю корпуса; и в-пятых, — возможность игнорирования легендарной ауры, сопутствующей имени переводимого автора. *Implicite* был затронут и столь важный вопрос, как насыщение перевода новыми интертекстуальными ассоциациями, заведомо отсутствующими в оригинале, посредством введения в его текст цитат из золотого фонда русской классики («щекот славий» из «Слова о полку Игореве», пушкинская «буйная дурь»). Приведенные выше критические замечания, в их совокупности, позволяют определить своеобразие художественного свершения Вяч. Иванова — это прочувствованное, но порой и весьма своенравное прочтение стихов эолийских поэтов, запечатленное в аналогах иного по природе поэтического языка, в иную эпоху, требующее высокой читательской компетентности для его полноценного восприятия.

Текст данного сообщения — некий промежуточный этап в осмыслении «Алкея и Сафо» Вяч. Иванова, которое автор через какое-то время надеется завершить в содружестве с С. А. Завьяловым (его статьи, как и беседы с ним, стали важными импульсами к написанию настоящей работы). В то же время обзор приведенных выше отзывов важен и в связи со следующим фактом — в конце 1910-х годов Вяч. Иванов готовил третье издание «Алкея и Сафо», его материалы сохранились. Что из замечаний, высказанных в проанализированных выше критических отзывах, поэт собирался учесть — именно этот аспект предстоит еще внимательно изучить.

²⁸ Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Ч. 61, февр. С. 406. Эти лакуны во многом были заполнены при переиздании переводов Вересаева в 1929 г. в составе десятого тома Собрания его сочинений.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Михаил Кузмин

**Литературная судьба
и художественная среда**

*Под редакцией
П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова*

Санкт-Петербург
Издательство «Реноме»
2015

Содержание

<i>П. В. Дмитриев.</i> К истории научных чтений, посвященных М. А. Кузмину	7
---	---

СТИХОВЕДЕНИЕ

<i>М. В. Акимова.</i> Несколько наблюдений над семантическими эффектами стихотворной формы у Кузмина	13
<i>К. А. Головастиков, С. Е. Ляпин.</i> Метрические новации Кузмина в культурно-стиховом контексте XX века	28
<i>Ю. Б. Орлицкий.</i> Стих М. Кузмина в контексте метрического и строфического репертуара русской поэзии начала XX века	42

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

<i>Н. А. Богомолов.</i> К текстологии стихов Кузмина середины 1920-х годов	59
<i>А. А. Ковзун.</i> Об уитменовском подтексте и композиции «Моих предков» М. Кузмина	72
<i>Приложение 1.</i> М. Кузмин. Мои предки (1907)	96
<i>Приложение 2.</i> W. Whitman. Song of myself, fragment № 15 (1855)	97
<i>Приложение 3.</i> У. Уитмен. Песня о себе, фрагмент № 15 (перевод К. И. Чуковского, окончательный вариант; первоначальный вариант опубликован в 1914 г.)	100
<i>Приложение 4.</i> Н. Н. Врангель. Помещицья Россия (1910)	103
<i>Л. Г. Панова.</i> «Шекспир еще тобою не дочитан...»: Об одном го-моэротическом мотиве цикла-поэмы-симфонии «Фореель разбивает лед»	105
<i>В. В. Николаенко.</i> Как мореход оказался на суше (О границах интертекстуального метода)	113

ПЕРЕВОДЫ И КРИТИКА

<i>К. Ю. Лаппо-Данилевский.</i> «Алкей и Сафо» Вяч. Иванова в рецепции современников (Кузмин, Ходасевич и др.)	119
<i>С. Гардзонио.</i> Михаил Кузмин — переводчик В. К. Третьяковского	132
<i>И. А. Пильщиков.</i> Традиции «русского петраркизма» и сонеты Петрарки в переводе М. Кузмина	139
<i>П. В. Дмитриев.</i> Кузмин — мизогин? Об одной тенденции в переводах М. Кузмина	158

БИОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ

<i>Е. В. Евдокимов.</i> «В скромном родительском доме...» Ранняя биография М. А. Кузмина в документах (1872–1891)	171
<i>С. В. Шумихин.</i> Роман с газетой: Е. М. Кузнецов на страницах Дневника М. А. Кузмина	203
<i>Е. Л. Куранда.</i> М. Кузмин и его круг в архиве Радловых в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки	226

М. КУЗМИН И ДРУГИЕ

<i>Т. Л. Никольская.</i> Рецепция творчества М. Кузмина в независимой Грузии	271
<i>Приложение.</i> Статья Ю. Дегена «Михаил Кузмин» (1918). Публикация <i>Т. Л. Никольской и П. В. Дмитриева</i>	279
<i>О. А. Лекманов.</i> Некто читает Кузмина	285
<i>А. В. Бурлешин.</i> Некоторые примечательные сведения из жизни казанского Уайльда. Новые, забытые и исправленные факты о Евгении Геркене	290
<i>Н. В. Плунгян.</i> Ольга Гильдебрандт-Арбенина и Мари Лорансен: границы вымышленного и реального сходства	341

Приложение I

ПЕРЕВОДЫ. ПИСЬМА. БИБЛИОГРАФИИ

Либретто «Волшебной флейты» Моцарта в переводе М. Кузмина. Публикация <i>П. В. Дмитриева</i>	359
Переписка М. А. Кузмина с К. Ф. Некрасовым. Публикация <i>Е. В. Евдокимова</i>	405
Письма М. Кузмина к А. Руманову. Публикация <i>А. Л. Соболева</i>	416

Письма Ю. И. Юркуна к А. Д. Радловой 1936 года. <i>Публикация Е. Л. Куранды</i>	432
Кузмин в изданиях XX–XXI вв. Каталог временной выставки из фондов ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН и частных собраний С.-Петербурга. <i>Составил А. В. Бурлешин</i>	450

Приложение II
РАБОТЫ И ПИСЬМА В. Ф. МАРКОВА

Владимир Марков. Италия в поэзии Михаила Кузмина. <i>Перевод с англ. и публикация И. А. Пильщикова</i>	467
Владимир Марков. Предисловие к английскому изданию «Крыльев» и «Александрийских песен» М. Кузмина (1972). <i>Публикация и примеч. М. В. Ефимова и О. А. Коростелева; перевод с англ. М. В. Ефимова</i>	480
М. Кузмин в переписке В. Ф. Маркова с Г. П. Струве. <i>Публикация Ж. Шерона, О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; предисловие М. В. Ефимова</i>	491
Два письма В. Ф. Маркова к Т. Л. Никольской. <i>Публикация и предисловие Т. Л. Никольской</i>	521
Краткие сведения об авторах	529
Указатель имен	532
Указатель произведений М. Кузмина	548
Summary	556